

В. Б. Аксёнов

«Война духа»: история научных идей или маргинальных эмоций?

Историки Первой мировой войны сходятся на том, что она поделила мир на две эпохи, положив конец длинному XIX и дав начало короткому XX в. И речь идет не только о геополитических изменениях в Европе, но и о важных ментальных сдвигах, в том числе полученных национальных травмах, укоренении этнических стереотипов. В этой связи особую актуальность приобретают исследования тех или иных аспектов общественного сознания. Одному из них и посвящена монография польского историка Мацея Гурного «Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923». Книга впервые была опубликована в 2014 г. в Варшаве и в 2021 г. в Издательстве Европейского университета в Санкт-Петербурге вышла на русском языке (перевод С. Н. Поляковой под редакцией Б. И. Колоницкого)¹.

Автор обращается к исследованию феномена, известного преимущественно в немецкоязычной историографии как «война духа», под которой в широком смысле понимаются размышления о национальном характере в условиях актуализации четкого отграничения своего общества от сообщества чужого — вражеского (с. 22). Героями книги становятся европейские интеллектуалы и выдвигаемые ими психологические, антропологические, духовные характеристики воюющих народов. Подробнее всего Гурный анализирует географические, антропологические и психолого-психиатрические концепции, задействованные в пропаганде, хотя и отмечает, что феномен «войны духа» шире собственно пропаганды. Хронологические рамки — одно из самых уязвимых мест исследования — охватывают период от начала Балканских войн

Аксёнов
Владислав Бэнович
д-р ист. наук, ст.
науч. сотр., Институт
российской истории
РАН (Москва, Россия)

в 1912 г. до угасания польско-украинского соперничества в 1923 г. При этом автор признает, что поиском этноментальных черт занимались еще в Античности, а истоки отдельных популярных в 1914–1918 гг. теорий обнаруживаются в международных конфликтах XIX в.: в период Крымской войны, во время польских восстаний и особенно Франко-прусской войны 1870–1871 гг.

Первые две главы («О науке с национальным характером» и «Европейская война как война духа») носят обобщенно-вводный характер. Первая глава посвящена предыстории «войны духа» в XIX в.: автор рассматривает формирование основных этнических стереотипов с точки зрения характерологии, климатической теории прогресса, отмечает, что популярность расовой теории в научной среде в конце XIX — начале XX в. объясняется теорией «мыслительного коллектива» Л. Флека, когда отдельные понятия используются механически в рамках исторически ограниченного и социально детерминированного стиля мышления. Следующая глава посвящена авто- и гетеростереотипам народов воюющей Европы уже в начале XX в. В качестве первого публичного озвучивания концепции «войны духа» после начала Великой войны Гурный приводит речь французского философа Анри Бергсона, в которой тот представил войну как столкновение цивилизации (Франции и Англии) с варварством (Германия). В ответ в октябре 1914 г. 93 немецких профессора подписали обращение «К культурному миру», в котором в соответствии с расистской теорией сравнили войну с натравливанием негров и монголов (русских) на арийскую расу (с. 59). Однако едва ли ответственность за развязывание так называемой войны духа уместно возлагать на ученых: в России уже в царском манифесте об объявлении войны Германии от 20 июля 1914 г. обнаруживается намек на мессианско-цивилизационный характер столкновения.

М. Гурный отмечает, что в международных дебатах каждая из сторон пыталась обозначить главную угрозу миру, исходившую от врага: немецкий милитаризм, французский реваншизм, британский империализм или американский коммерциализм (с. 78). Россия традиционно ассоциировалась с азиатской угрозой. Автор считает, что в немецкой характерологии Россия занимала наименее заметное место среди стран Антанты во многом по причине языкового барьера, вследствие чего российские публикации реже доходили до немецкого читателя (с. 88). При этом Россия по понятным причинам фигурировала в публицистике украинских и польских националистов. Националистически настроенная польская интеллигенция обвиняла украинских националистов в повальном русофильстве, последние отвергали эти обвинения и переадресовывали их полякам, но вместе с тем, и другие обвиняли евреев в предательстве (с. 96–97). М. Гурный обращает внимание и на историческую политику украинских националистов, которые приписывали себе историю Киевской Руси и констатировали расовые различия между цивилизованными украинцами и варваризированными русскими-москалями (с. 141). В главе подробно представлен польско-германский дискурс, но фактически обойдены стороной польско-русские отношения. В целом автор практически не уделяет внимание российскому материалу, хотя отечественные ученые, публицисты, писатели, художники были также активно вовлечены в «войну духа» и военная пропаганда

активно использовала стереотипы этнической характерологии, о чем уже писали российские исследователи².

В трех следующих главах раскрывается роль в «войне духа» таких наук, как география, антропология и психология с психиатрией.

В главе «Пространство (география)» Гурный подчеркивает практическое значение географов, метеорологов, геологов, агрономов в условиях позиционной войны, — как они включаются в дискурс «войны духа» и, размышляя о послевоенном устройстве мира, строят экспансионистские планы. В Германии популярность получает концепция «жизненного пространства», включавшая идею аннексии территорий Восточной Европы и массовой депортации ее жителей (с. 154). Одна из центральных проблем, поднятых географами в годы Великой войны, — соответствие государственных границ естественным природным. Немецкие географы поставили под сомнение естественность очертаний на картах Франции, Бельгии. При этом естественные границы интерпретировались по-новому: не как соответствие линиям рек и горных цепей, а как соответствие региона природно-культурному ландшафту. Предлагалось даже в качестве государственных границ определить переход из одной климатической зоны в другую (с. 165). Любопытно, что география не только обосновывала территориальные претензии, но и оправдывала территориальные потери. Так, австрийский географ Р. Зигер считал, что Галиция — инородное тело в составе Австро-Венгрии и ее потеря не станет трагедией для империи (с. 163). К природным явлениям апеллировали и итальянские географы, требовавшие аннексии Далмации. Естественно, что все эти концепции приводили к противоречиям даже внутри одного военного блока. Так, географические претензии итальянцев на Далмацию противоречили концепции сербского географа Й. Цвиича, рассматривавшего весь Балканский полуостров вместе с Далмацией как единый «динарский» регион. Украинский географ С. Рудницкий обосновывал независимость Украины тем, что Украина, по его мнению, располагалась на отдельной тектонической плите и имела независимую геологическую историю (с. 168–169).

Четвертая глава, «Тело (антропология)», во многом пересекается со второй главой монографии. Здесь также одной из центральных тем становится расовая теория. Автор отмечает, что война предоставила антропологам богатый материал для измерений: лагеря для военнопленных пестрели представителями разных народов. Так как полученные результаты измерений противоречили расовой теории, в немецких и австро-венгерских работах произошло размытие границ между расой и национальностью — врага следовало отнести к представителям иной расы. Соответственно русских, украинцев, финнов иногда относили к монголам, по поводу чего особенно возмущались украинские националисты. Так, С. Рудницкий писал, что из украинцев, поляков и русских только первые сохранили «расовую чистоту», в отличие от полонизированных москалей и обрусевших поляков. В обращении к украинской интеллигенции он призывал избегать браков с менее ценными в расовом отношении народами: поляками, русскими, румынами, турками и татарами (с. 215).

М. Гурный пишет, что «война рас» не была характерна для России, с одной стороны, по причине того, что в России антропология оказалась в руках

либеральной профессуры, с другой — из-за отсутствия масштабных антропологических измерений. В качестве некоего исключения он отмечает работы киевского психиатра И. Сикорского, который настаивал на расовой чистоте русских и считал их одной из самых однородных групп арийцев (с. 232).

Французские и английские антропологи также использовали расовую теорию, подчеркивая, что центры, ответственные за материальные ценности и механические действия, развиты у немцев намного лучше, чем участки, отвечающие за чувства и нравственные качества (с. 238–239). В этой главе Гурный заключает, что опыт 1912–1918 гг. способствовал радикализации расовых теорий и евгенического движения и рождению нацизма (с. 254).

В пятой главе — «Разум (психология и психиатрия)» — разбирается проникновение националистических полемик на страницы психолого-психиатрических журналов. При этом в новом свете предстает гендерная тематика. Так, в Германии с войной связывали надежды на оздоровление национальной психики: она должна была укрепить нервы и мужественность нации, исключив «женоподобие» (якобы характерное для французов) (с. 264). При этом характерной чертой «женоподобия» считалась истерия, якобы свойственная исключительно женщинам. Однако война способствовала массовому распространению истерии на фронте, и психиатры разных воюющих блоков отказывались признавать ее у солдат, считая проявлением трусости.

Националистический дискурс в психиатрии проявлялся также в том, что психиатры создавали этнические карты болезней, согласно которым немцы обладали предрасположенностью к депрессии, поляки и чехи — к алкогольным психозам, евреи — к истерии, итальянцы — к эпилепсии, а венгры — к параличу (с. 270). Итальянские психиатры называли немецкий милитаризм психическим заболеванием, коллективным безумием (с. 274). В свою очередь, немецкие ученые считали германофобию «психической инфекцией», распространяемой пропагандой Антанты. После окончания Первой мировой войны немецкие психиатры признавали, что поражение в войне вызвало неблагоприятные психические последствия, выразившиеся в нежелании работать и массовой истерии. Поэтому задачей психиатрии Э. Странски считал охранение общественного порядка от противоестественных революционных идей. Заметим, что в Советской России в это же время обнаруживается схожая тенденция: определение консерватизма и революционности как психических процессов торможения или возбуждения, в результате чего создавались образы революционера-эпилептика, противостоявшего контрреволюционеру-сифилитику³.

В шестой главе, которая называется «Оглядываясь в прошлое: кто развязал «войну духа»?», Гурный возвращается в интеллектуальные дискуссии XIX в. и частично повторяет материал первой главы, более подробно останавливаясь на периоде Франко-прусской войны 1870–1871 гг., показывая, что в эту эпоху проявляются основные механизмы «войны духа». В этой части исследования автор дает новое определение исследуемого феномена «войны духа» как «нерегулярного цикла вспышек национализма в науке, каждая из которых неразрывно связана с ужасом войны, поражений и насилия» (с. 334). Вопрос, сформулированный в главе, ожидаемо оказывается риторическим, автор не дает на него ответа.

В Заключении подводится итог исследования, но при этом поднимаются и важные вопросы саморазвития научного знания. М. Гурный соглашается с концепцией Э. Циммермана, согласно которой антропология в Германии конца XIX в. стала авангардом мятежа представителей естественных наук против засилья гуманитариев. Основанная на естественно-научной эмпирической базе расовая теория претендовала на роль нового мировоззрения. При этом сама по себе попытка классификации европейских народов несла в себе сильную расистскую установку, преодолеть которую в полной мере не удалось даже антропологам либеральных взглядов.

Хотя предметом исследования Гурного является феномен «войны духа», в названии книги этот термин отсутствует, что, по-видимому, не случайно: понятие оказывается слишком размытым и объединяет под собой как вполне научные эксперименты, так и весьма маргинальные массовые заблуждения, а также коллективные эмоции и аффекты. Последним, к сожалению, в книге не уделено должного внимания. Автор монографии относит свою работу к интеллектуальной истории, истории идей, однако время от времени признает, что те или иные концепции в ряде случаев порождались эмоциями (например, страхом, ненавистью), достигали «анекдотической формы» и формировали у носителей некую «параллельную реальность». Желание автора собрать и проанализировать националистические концепции внутри научного дискурса, профессионального сообщества ученых понятно, однако нужно учитывать, что ученый является одновременно и членом общего социума, в котором подвергается воздействию маргинальных взглядов и коллективных эмоций. Сам Гурный во Введении и Заключении подчеркивает, что «наука — это в числе прочего социальное явление. И воспринимать ее политическую ангажированность как аномалию — значит ее идеализировать» (с. 335). С этим утверждением можно было бы поспорить, учитывая, что научная методология как раз и призвана бороться в том числе с ангажированностью, но в данном случае следует сместить акцент с науки как таковой на ученого как индивида, которому свойственно не только рациональное, но и иррациональное поведение. Погружаясь преимущественно в научную публицистику, автор исследования не уделяет должного внимания дневникам, письмам ученых-современников, в которых проявляются массовые эмоции в форме абсурдных слухов, которые впоследствии становились аргументами в так называемой войне духа. Большинство массовых слухов основывалось на архетипических образах, например образе врага, убивающего детей и насилующего женщин. Ученый-археолог либеральных взглядов В. А. Городцов, возмущаясь на страницах дневника массовым изнасилованием немцами несовершеннолетних, якобы возведенным ими в правило, призывал всех немцев, включая русскоподданных, сослать в Сибирь⁴. При этом Городцов был уверен, что «и в нелепых слухах есть крупки некоторой правды»⁵. Другой распространенный образ врага — шпиона-вредителя — привел к появлению слуха о том, что агенты-велосипедисты разъезжают по деревням и отравляют колодцы. При всей абсурдности этих рассказов их записал в своем дневнике философ Л. А. Тихомиров, отметив, что не знает, где в них ложь, а где правда⁶.

Коллективные эмоции, вызванные теми или иными политическими событиями, определяли динамику националистического дискурса. В России, где начало войны вызвало всплеск панславистских настроений, холодным душем для националистов стало вступление Болгарии в войну в октябре 1915 г. В январе 1916 г., после бегства из Черногории короля Николы I, русский националист, а также юрист и приват-доцент Юрьевского университета Б. В. Никольский записал в дневнике: «Старые бредни о славянах и славянстве сданы в архив и не воскреснут. Раса не есть какая-либо абсолютная величина... Славянство без православия — ничто. В этом смысле ни поляки, ни чехи, ни хорваты не славяне; даже болгары не славяне, ибо раскольники»⁷.

При этом можно отметить взаимовлияние научного и «профанного» дискурса: так же, как ученые брали на вооружение маргинальные стереотипы, так и обыватели начинали вооружаться «цивилизационными» теориями, рассуждая в частной корреспонденции о том, чья раса более цивилизована: негритянская или немецкая⁸.

Погружение в патриотический дискурс Великой войны наводит на мысль о том, что зашкаливавшие коллективные эмоции достигали уровня массового психоза (не случайно в Департаменте полиции, разбирая доносы подданных, сравнили ярый патриотизм с умопомешательством⁹). В этом случае обращение Гурного к психиатрической проблематике выглядит более чем уместно. Однако автор в большей степени касается использования психиатрии как оружия патриотической пропаганды, чем инструмента общественного самоанализа. При этом психиатры нередко анализировали социальные явления в психиатрическом ключе, писали о массовых психозах-неврозах (в России это особенно усиливалось по мере приближения к 1917 г., в котором возродился подзабытый с 1905–1907 гг. термин «революционный психоз», а также всерьез обсуждали особый «психоз войны»¹⁰). Проникновение психиатрического дискурса из научной среды в умы широких слоев населения в условиях повышенной тревожности, распространения характерной современной беллетристики приводило к появлению специфических абсурдных слухов. Например, что немцы создают отряды из гипнотизеров, которые способны на расстоянии воздействовать на противника; также якобы немцы забрасывают в тыл врага гипнотизеров-шпионов (одним из них считали Г. Распутина). Эти слухи могли быть связаны с популярным на рубеже XIX–XX вв. романом французского писателя и иллюстратора А. Робиды «Война в XX веке», в котором он описал отряды боевых гипнотизеров-медумов, погружавших врагов в каталепсию. Также они могли базироваться на искаженных фактах. М. Гурный как раз пишет о том, что немецкие психиатры практиковали гипноз при лечении психических болезней (в том числе в лагерях для военнопленных), но при этом отмечали, что гипноз не влияет на иностранцев по причине языкового барьера. Не случайным в контексте массовых настроений представляется возросший интерес в обществе к оккультным «наукам», что не обошло стороной и ученую среду. Так, упомянутый Городцов в своем дневнике некоторое время комплиментарно отзывался о «Первоначальных сведениях по оккультизму» Папюса. К сожалению, тема мистицизма и мистификации ученого сообщества в книге не рассматривается.

В заключение Гурный, со ссылкой на З. Баумана, ставит вопрос, который демонстрирует важность эмоциологической проблематики: Холокост — результат ненависти к евреям или равнодушия к их судьбе? Тем самым в расовой «войне духа» можно обнаружить определенную амбивалентность: чрезвычайная эмоциональность одних совпадала с циничным равнодушием других, недостатком эмпатии, но вместе и то, и другое приводило к гуманитарным катастрофам. В этом нет ничего странного, если социальные эмоции представить в их динамике: за периодами эмоционального перегрева обычно следуют периоды эмоционального спада, а социальная (этническая) эмпатия сменяется социальной психопатией. Поэтому неудивительно, что в период войн и революций особенную актуальность приобрел психопатологический дискурс.

В целом структура монографии недостаточно строга (психиатрические теории присутствуют в антропологической главе, географический раздел включает в себя и этнические стереотипы, расовая теория и гендерная характеристология, по сути, оказываются сквозными темами), а фактический обход автором стороной ситуации в Российской империи обедняет работу. Вместе с тем российский материал может показать как общие, так и отличительные особенности «войны духа» за восточной линией фронта. Среди универсальных черт этого феномена следует назвать маргинальность и противоречивость идей в силу зашкаливавшей эмоциональности, при этом расовая теория (в отличие от бытовой расистской риторики) не была широко распространена среди российской научной элиты. В качестве примера участника «войны духа» с российской стороны можно назвать известного психиатра В. М. Бехтерева, который в многочисленных публикациях в прессе то оптимистично предсказывал, что Великая война приведет к оздоровлению духа нации, то поддавался панике, описывая массовое распространение на фоне ужасов войны душевных заболеваний, охватывавших как солдат, так и гражданское население в тылу.

Таким образом, так называемая война духа представляется естественным состоянием социума по выработке основных характерологических образов «своих» и «чужих» в условиях военно-политического конфликта. Это состояние относится не столько и не только к научной среде, но охватывает в первую очередь широкие слои обывателей и является такой же характерной чертой массовой психологии периода войны, как массовая шпиономания и различные ксенофобские настроения. В «войне духа» присутствует сильный эмоциональный фактор, вследствие чего ее нельзя рассматривать исключительно в рамках интеллектуальной истории и истории идей, но необходимо дополнять подходами из истории эмоций. Вероятно, найти более удачную замену этого далеко не удачного термина можно в феномене патриотических настроений (эйфории или психоза). Ведь именно последние в первую очередь подпитывали ученых, когда те подхватывали маргинальные концепции. Тем самым идейная «война духа» представляется эмоциональной «войной патриотизмов»¹¹. Вместе с тем указанные замечания не снижают значимость работы. В рецензируемой монографии представлен богатый фактический материал, и основные выводы автора представляются убедительными.

¹ *Гурный М.* Великая война профессоров. Гуманитарные науки. 1912–1923 / пер. с польск. Н. С. Поляковой; науч. ред. Б. И. Колоницкий; предисл. М. Б. Могильнер. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 414 с.: 13 с. ил. (Эпоха войн и революций; вып. 15). Перевод выполнен по изд: *Górny M.* Wielka wojna profesorów. Nauki o człowieku (1912–1923). Warszawa: Instytut Historii PAN, 2014.

² См., например, только из вышедших книг до 2014 г.: *Филиппова Т. А.* «Враг с Востока»: Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX в. М., 2012; *Асташов А. Б.* Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012.

³ *Аксёнов В. Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020. С. 920.

⁴ *Городицов В. А.* Дневники ученого. 1914–1918: из собрания Государственного исторического музея: в 2 кн. Кн. 1. М., 2019. С. 75.

⁵ Там же. С. 104.

⁶ *Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг.* / сост. А. В. Репников. М., 2008. С. 84–85.

⁷ *Никольский Б. В.* Дневник. 1896–1918: в 2 т. Т. 2: 1904–1918. СПб., 2015. С. 236.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 994. Л. 1304.

⁹ Там же. Оп. 245. Д. 33. Т. 4. Л. 318 об.

¹⁰ *Бехтерев В. М.* Война и психозы // *Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии.* 1914. № 4–6. С. 321.

¹¹ См., например, сборник: *Культуры патриотизма в период Первой мировой войны* / под ред. К. А. Тарасова, сост. и предисл. Б. И. Колоницкого. СПб., 2020 (Эпоха войн и революций; вып. 13).

Статья поступила в редакцию 2 сентября 2021 г.

Рекомендована к печати 22 февраля 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Аксёнов В. Б. «Война духа»: история научных идей или маргинальных эмоций? // *Новейшая история России.* 2022. Т. 12, № 2. С. 515–523.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.216>

Аннотация: Предметом рецензии выступает книга польского историка Мацея Гурного, посвященная феномену «войны духа» в научной публицистике 1912–1923 гг. Под «войной духа» в широком смысле понимаются размышления о национальном характере в условиях актуализации четкого отграничения своего сообщества от сообщества чужого — вражеского, в более узком — как «нерегулярный цикл вспышек национализма в науке, каждая из которых неразрывно связана с ужасом войны, поражений и насилия». Героями книги становятся европейские интеллектуалы и выдвигаемые ими психологические, антропологические, духовные характеристики воюющих народов, раскрывается роль в «войне духа» таких наук, как география, антропология и психология с психиатрией. Польский исследователь указывает на сложные взаимоотношения интеллектуальных концепций с пропагандистскими установками, считая, что феномен «войны духа» шире феномена военно-патриотической пропаганды. Автор рецензии, положительно оценивая работу польского коллеги, считает, что проведенное в методологических рамках интеллектуальной истории исследование могло бы выиграть в случае привлечения методологии истории эмоций. В рецензии отмечается, что многие рассмотренные в книге маргинальные концепции и стереотипы были характерны для всех страт воюющих обществ, основывались на архетипических образах и подпитывались зашкаливавшими в условиях войны эмоциями. Автор статьи называет «войну духа» естественным состоянием социума по выработке основных характерологических образов «своих» и «чужих» в условиях военно-политического конфликта. Это состояние относится не столько и не только к научной среде, но охватывает в первую очередь широкие слои обывателей и является такой же характерной чертой массовой психологии периода войны, как и массовая шпиономания, различные ксенофобские настроения. Несмотря на то, что в научной среде «война духа» выражалась в использовании в пропагандистских целях определенных интеллектуальных теорий (в первую

очередь — расовой), идейный компонент в ней заметно уступал эмоциональной составляющей. В статье указывается, что понятие идейной «войны духа» не в полной мере соответствует своему содержанию и точнее было бы говорить об эмоциональной «войне патриотизмов».

Ключевые слова: Мацей Гурный, Великая война, «война духа», война патриотизмов.

Сведения об авторе: Аксёнов В. Б. — д-р ист. наук, ст. науч. сотр., Институт российской истории РАН (Москва, Россия); vlaks@mail.ru

Институт российской истории РАН, Россия, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

FOR CITATION

Aksenov V. B. "The War of the Spirit": A History of Scientific Ideas or Marginal Emotions?, *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 2, 2022, pp. 515–523.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.216> (In Russian)

Abstract: This review examines a monograph by Polish historian Maciej Górny that examines the phenomenon of the "war of the spirit" in scientific discourse between 1912 and 1923. The "war of the spirit" is broadly understood as a reflection on national character in the context of the actualization of a clear distinction between one's community and that of the alien enemy, and narrowly as "an irregular cycle of outbreaks of nationalism in science, each inextricably linked to the horror of war, defeat and violence". The characters of the book are European intellectuals and the psychological, anthropological, and spiritual characteristics of warring nations, and the role of such sciences as geography, anthropology, psychology, and psychiatry in the "war of the spirit" is revealed. The Polish researcher points out the complex relationship between intellectual concepts and propaganda settings, believing that the phenomenon of "war of the spirit" is broader than the phenomenon of military-patriotic propaganda. The author of the review, while appreciating the work of his Polish colleague, believes that the study conducted within the methodological framework of intellectual history could have benefited if the methodology of the history of emotions had been used. The review points out that many of the marginalized concepts and stereotypes discussed in the book were typical for all strata of the warring societies, were based on archetypal images, and were fueled by emotions running high during the war. The author calls the "war of spirit" a natural state of a society for development of the main characterological images of "their own" and "alien" in the conditions of military and political conflict. Author points out that the concept of an ideological "war of the spirit" does not fully correspond to its content and considers it more accurate to speak of an emotional "war of patriotism".

Keywords: Maciej Górny, Great War, *War of the Spirit*, War of patriotism.

Author: Aksenov V. B. — Dr. Sci. in History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); vlaks@mail.ru

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, ul. Dmitriya Ulyanova, Moscow, 117292, Russia

References:

- Aksenov V. B. *Rumours, Images, Emotions. Mass sentiments of Russians in the years of war and revolution (1914–1918)* (Moscow, 2020). (In Russian)
- Astashov A. B. *Propaganda on the Russian Front during World War I* (Moscow, 2012). (In Russian)
- Cultures of patriotism during the First World War*, ed. K. A. Tarasov, comp. and introd. B. I. Kolonitsky (St Petersburg, 2020). (In Russian)
- Filippova T. A. "Enemy from the East" in *Images and rhetoric of hostility in the Russian satirical journalism of the early twentieth century* (Moscow, 2012). (In Russian)

Received: September 2, 2021

Accepted: February 22, 2022